

3. Обособление организаторских функций.— Абсолютная рента.— Феодальная группа у кочевников.

То выделение организаторских функций, которым определено строение патриархально-родовой общины, продолжалось и в земледельческой общине. В некоторых случаях процесс этот, совершавшийся в сравнительно позднее время, представляет до прозрачности ясный переход от собственно родового строя к феодальной системе. Так, напр., когда кланы Ирландии начинают объединяться, главы их, — сначала выборные, а потом наследственные, — превращаются каждый в сенъера своей патриархальной группы. С течением времени намечаются пять областных союзов, число которых потом уменьшается до четырех. Во главе каждого такого «королевства» попеременно становится вождь то одного, то другого клана. Сначала король действует под контролем и с согласия собрания, которое составляется из глав объединившихся кланов; впоследствии он начинает борьбу за безконтрольность своих действий. Словом, в Ирландии около тысячи лет тому назад можно было наблюдать последовательные ступени того процесса, который обрисован у нас в предыдущем отделе. Совершенно так же шел процесс феодализации в Индостане; таковы же его начальные ступени и в других странах, поскольку их удастся проследить по сохранившимся отрывочным данным.

Раз начавшись, процесс подчинения земледельческих общин власти организатора быстро идет вперед. Община, взятая как целое, все более утрачивает дееспособность. В области мирной деятельности все трудовые операции, превышающие силы отдельного двора, выполняются уже по инициативе организатора. Все крупные сооружения, необходимые для целой общины и возводимые ее коллективным трудом, постепенно развиваются в собственность организатора, становятся элементом его собственного, все более расширяющегося хозяйства. Таковы, напр., мельницы, печи для хлеба, сооружения для трепания льна, прессы для выжимания винограда, и т. д.

Вознаграждение, которое получает организатор за пользование такими сооружениями, еще больше выделяет его хозяйство из ряда крестьянских хозяйств. Хозяйство организатора превращается в тот пункт, к которому стекается весь прибавочный продукт общины: и та его часть, которая в старом недифференцированном роде служила для расширения производства, и та часть, которая обращалась в запас на случай разных непредвиденных потрясений хозяйства: неурожая, пожара и т. д. Организатор, как единственный носитель всех общественных функций, как воплощение всех необходимых связей между индивидуальными хозяйствами земледельцев, мало-по-малу сосредоточивает у себя все хозяйственные

запасы. При основании нового хозяйства крестьянин получает от него соху, борону, скот, словом, весь сельскохозяйственный инвентарь, семена и хлеб до ближайшего урожая. При неурожае сравнительно слабые двory продовольствуются из запасов организатора. Все это делает экономическое подчинение общины организатору еще более прочным, дает ему возможность расширять свою власть на новых крестьян, на новые общины, шаг за шагом превращает его в сеньера, в господина подвассальной общины и всего окрестного населения.

В том же направлении вело обособление военно-организаторских функций. По мере того, как сношения и столкновения между общинами становились обычным явлением, звание вождя переставало быть временным. На него ложилось постоянное заведование теми внешними отношениями, которые колебались между войной и обменом. Сосредоточивая в своих руках эти функции, военный организатор завершал крестьянскую обособленность от внешнего мира. Крестьянское хозяйство не может обойтись, напр., без некоторого количества железа, которого нет в данной местности; но добывание этого железа—обменом ли, грабежом ли—касается только вождя. Его же исключительным делом становится организация внешней защиты. Крестьянин должен или только вооружаться по его призыву, как было в классическом мире, или же, главным образом, доставлять вождю и его дружине средства существования и передвижения, как было в Египте, Мексике, Индостане, Японии и особенно в средневековой Европе.

Функции защиты играли в феодальном мире такую роль, о которой в настоящее время трудно составить себе представление. Граница «своего» мира, отделявшая его от мира «чужих», «врагов», лежала иногда у самой эколицы. В современных государствах действительные укрепления отнесены на далекую периферию; в феодальный период территории были сплошь покрыты замками, бургами, засеками и крепостцами, которые были одновременно и воплощением, и опорой экономической и политической автономии мелких областей. Первоначальное феодальное объединение этих областей, которое и само по себе сопровождалось борьбой между ними, далеко не устраняло затяжной войны, постоянных набегов и грабежей, которые всей своей тяжестью обрушивались на мирное крестьянское население. Даже в поздний период московского государства, в XVI и отчасти в XVII веке, крупные бояре могли безнаказанно совершать свои наезды и грабежи. Для того, чтобы положить им конец, требовалась такая степень военной и административной централизации, которая далеко превышает возможности феодальной эпохи с ее экономической децентрализованностью.

С обособлением военно-организаторских функций, с выделением особой профессии воинов, мирному населению не остается иного выхода, как отдаваться под защиту вождя

своей области. Самостоятельное существование крестьянства становится невозможным. И свою землю, и все свое имущество, и самую жизнь оно сохраняет лишь благодаря деятельности военного организатора. Конечно, за все это приходится отбывать различные повинности: отдавать часть своего труда или продуктов, или того и другого одновременно. Это—новое осеменение, почему в распоряжение организатора поступает прибавочный труд и прибавочный продукт окружающей области. Вождь и его дружина, которые раньше лишь временно, пока продолжался поход, отделялись от общины и от ее мирной производственной деятельности, приобретают теперь постоянный самостоятельный источник существования, содержание их становится извне налагаемой *повинностью общины*, развитие профессии воинов завершается выделением *сословия* воинов. Вместе с тем вниз отделяется *крестьянское сословие*: обширная профессиональная группа земледельцев, постоянные обязанности которой представляют оборотную сторону привилегий мирных и военных организаторов.

По самому свойству своих функций военный организатор с течением времени оттесняет организатора мирно-производственной деятельности на задний план. Последний или сменяется господским уполномоченным: приказчиком, помещиком, мейером, *villieus*'ом, который управляет собственным хозяйством сеньера и, при посредстве ряда должностных лиц деревенской общины: тысяцких, сотских и т. д., организует отбывание ею всевозможных повинностей; или же мирный организатор становится вассалом военного организатора и превращает в своих вассалов второстепенных мирных организаторов. С особенной рельефностью второй порядок развития выступает в некоторых случаях, когда упрочение феодальных отношений было связано с внешним завоеванием. Вассальные отношения служили той формой, в которой осуществлялся союз пришлых организаторов с местными организаторами ¹⁾.

В своем дальнейшем развитии и расчленении организаторские функции дают начало целому ряду других видов деятельности, которые связаны частью с мирным производством, частью с военной защитой, частью с тем и другим. Таковы предупреждение и разбор столкновений между соседними общинами и отдельными членами, исполнение приговоров, постановлен-

¹⁾ Таково, напр., подчинение первоначального дравидского населения Индостана арийцами. Но и новейшая колониальная политика широко пользуется таким методом подчинения. Туземных организаторов как мирных, так и военных: беков, ханов, султанов, раджей, старшин, шейхов и т. д., она превращает в собственников представляемых ими областей, капиталистически развращает их и развивает таким образом сложный, иерархически расчлененный феодальный аппарат, который, опираясь на мощные военные и финансовые ресурсы европейских государств, организует капиталистически беспощадную эксплуатацию своих областей под руководством европейского капитала. Европейская буржуазия вступает в тесный союз с феодалами Индостана, Египта, Алжира, Персии и т. д.,—такова здесь сущность современного империализма.

ных при разборе. В зависимости от конкретных условий, верховная и административная власть быстрее или медленнее обособляется от общины и переходит к сеньеру: как главный представитель организованной коллективной силы, только он и обладает ресурсами, необходимыми для осуществления этой власти. В ходе развития она постепенно приобретает внешнюю форму уже не коллективной власти общины взятой в ее целом, а личной власти сеньера.

Таким образом организатор со своим хозяйством все больше обособляется от общины. При расширении пахатной земли он получает известную долю новых расчисток для ведения собственного хозяйства. При каждом успешном походе он оставляет в своем распоряжении некоторую часть завоеванных земель и превращает в своих непосредственных вассалов живущее на них крестьянское население. Строй, деревенского производства все более утрачивает ту однородность, которая существовала на предыдущих ступенях развития.

Пахатная земля распадается на две части: крестьянскую и господскую. Последняя обрабатывается трудом зависимых крестьян, которые должны отбывать определенное количество дней в неделю. Эти обязательные работы крестьянин выполняет со своим рабочим скотом (конная барщина) и во всяком случае со своими собственными орудиями труда (пешая барщина). Господин обзаводится собственным инвентарем лишь на исходе феодальной эпохи, когда труд зависимых от него крестьян постепенно сменяется трудом дворовых, т. е. крестьян, лишенных и земли, и собственного производства. Но и тогда сельскохозяйственные орудия, применяемые в господском производстве, несколько не отличаются от применяемых одиночкой-земледельцем.

Барские пахатные поля подчиняются тому же принудительному севообороту, как и крестьянские, и в известные моменты служат для общего выпаса крестьянского и господского скота. Общим остается пользование и такими угодьями, как луга, леса и т. д. Размеры пользования в общем и здесь собразуются с размерами запасов.

В ранний период феодализма господские запашки сравнительно невелики, размеры барщинного труда незначительны. Главную основу господского хозяйства составляет не собственное земледельческое производство, не прибавочный труд, извлекаемый из крестьян в форме барщины, а прибавочный продукт, создаваемый крестьянином в своем производстве и поступающий в господское хозяйство в форме натуральных оброков: зерна, пряжи, скота, птицы и т. д.

С течением времени оброки развиваются в сложную систему поборов, охватывающую десятки разных наименований, опирающуюся на всевозможные юридические титулы, иногда явно придуманные просто для оправдания новых поборов. Но первоначальные феодальные повинности были ясно и непосредственно связаны с теми полезными функциями, которые

лежали на сеньере, как фактическом организаторе коллективной деятельности представляемого им населения. Несмотря на величайшее разнообразие своих названий и форм, они являлись вознаграждением сеньера за то, что он создавал и поддерживал общие условия, необходимые для земледельческого производства: защищал от вторжений извне, обеспечивал внутренний мир, доставлял необходимый инвентарь для пришедших или отделившихся крестьян, которым приходилось заново садиться на землю, воздвигал сооружения, необходимые для всей совокупности крестьянских хозяйств и т. д.

Следовательно, все доходы, которые получал сеньер от оброков и барщины, с самого начала принимали форму *рен-ты*, т. е. вознаграждения за то, что он давал возможность пользоваться землей. Рента феодальной эпохи уплачивается не за то, что земля, на которой крестьянин ведет свое производство, отличается исключительными качествами или расположена особенно выгодно; крестьянин отбывает оброки и барщину за простую возможность производительного использования земли. Величина ренты при собственно феодальных отношениях стоит в непосредственной связи с теми полезными функциями, которые выполняются феодалом. Необходимость усиленной внешней защиты ведет к увеличению оброков, взимаемых на военные цели. Постройка печи, мельницы или укрепления временно увеличивает число дней барщины.

Эта рента, уплачиваемая за простую возможность вести земледельческое производство, называется *абсолютной рентой* в отличие от *дифференциальной ренты*, величина которой ближайшим образом определяется различиями в качестве и положении участков земли и в тщательности ее возделывания. Дифференциальная рента в феодальный период не играла особенной роли. В более плодородной области сосредоточивалось более плотное население. Но каждому крестьянскому двору приходилось отдавать сеньеру приблизительно такую же часть своего рабочего времени, такую же долю своих продуктов, как и в менее плодородных областях. В способах обработки земли, в размерах трудовых затрат на единицу площади не было крупных различий. И сеньер феодальной эпохи пользовался особыми выгодами своей области не для того, чтобы повысить норму эксплуатации зависимого крестьянства, а для того, чтобы увеличить плотность крестьянского населения. В феодальный период, в особенности в то время, когда дружина еще не окончательно обособилась от массы населения, социальная сила сеньера стояла в самой тесной и очевидной связи не с его индивидуальным богатством, а с силой представляемой им коллективности.

Абсолютная рента собственно феодальной эпохи, первая зародышевая форма позднейшего нетрудового дохода, не стоит ни в какой связи с отношениями земельной собственности. Вопрос о том, кому принадлежит земля автономной хозяйственной области, мог возникнуть лишь в более поздний пе-

риод, когда от сеньера начали отходить все его полезные функции, и экономически-рациональные основания его права на доходы от оброков и барщин стали превращаться в сплошную загадку. Тогда-то и пришлось отыскивать и изобретать юридические титулы для объяснения отношений, утрачивающих экономический смысл, и ретроспективно претворять феодальных сеньеров в изначальных владельцев, если не в полных собственников всей земли.

При своем возникновении рента, как особый доход определенной группы лиц, отделяется от общей массы годового продукта постольку, поскольку организаторские функции, постепенно обособляясь от исполнительских, превращаются в специальное занятие этой группы. Присвоение ренты организаторами прямо и непосредственно вытекает из их экономических отношений к организуемым, представляет, можно сказать, все те же производственные отношения между этими группами, только выраженные на языке распределительных отношений.

Но уже очень рано, по мере того, как обмен превращает продукты в товар, это общественное отношение начинает приобретать такой характер, как будто оно не стоит ни в какой связи с производственным процессом, с тем положением, которое занимают в нем сеньер и крестьянин, как будто оно является отношением не человека к человеку, а в первую очередь, отношением их к основному условию земледельческого производства: к вещи, к земле. Рента и ее присвоение сеньером выступает уже не как материальное условие и опора его организаторской деятельности, а как вознаграждение за голый юридический титул, за простое право собственности на землю, независимое от какой бы то ни было деятельности. Сеньер-организатор начинает превращаться в сеньера-земледела. Он расширяет свое влияние уже не столько расширением своих организаторских функций, сколько распространением своей собственности. Последнее захватывает даже области, население которых вовсе не нуждается в его организаторской деятельности. Постепенно вырабатываются воззрения, согласно которым *herrenloses Land*, земля, не принадлежащая какому-либо сеньеру, представляет бессмыслицу, существование такой земли невозможно: *nulle terre sans seigneur*, как гласит средневековое французское правило. Отношения крестьянина и сеньера все более превращаются в отношения собственности, в голые юридические отношения, которые без всяких посредствующих звеньев базируются на соотношении силы обеих сторон.

Собственно феодальные отношения вообще отличаются большой неустойчивостью. Как организатор-сеньер лишь незаметной гранью отделяется от сеньера-собственника не только земли, но и зависимого населения, так и феодальные отношения рядом постепенных промежуточных звеньев соединяются с рабскими и крепостническими. В своем чистом ви-

де феодальные отношения реализуются в истории по большей части только как преходящий момент. Живучесть и прочность они обнаруживают только в более или менее замкнутых областях, лишь в слабой степени затронутых развивающимися меновыми отношениями. В абстрактном изложении феодальная система занимает видное место, потому что только она объясняет нам, как могли возникнуть многие позднейшие категории и отношения, сохранившиеся до новейшего времени: крестьянское и феодальное сословия, частная земельная собственность, крупное землевладение, рента. Но для некоторых стран трудно указать эпоху, когда феодализму принадлежало бы такое безраздельное господство, как в свое время, напр., патриархально-родовому началу.

В хозяйстве сеньера, построенном на оброках и барщине, господствуют те же основные экономические принципы, как и в крестьянском хозяйстве. Господский двор—Hof curtis, вилла, мэнор, боярская усадьба,—который стоял в центре барщинного и оброчного крестьянства, не только в древности, но и в средние века являлся ойкосом: домом, самодовлеющей экономической организацией. Он должен был служить не задачам накопления, не обогащению сеньера, а удовлетворению потребностей сеньера и всех непосредственно связанных с ним: его семьи, дружины, управляющих и т. д.

Весь доход сеньера первоначально получает форму ренты: всевозможных повинностей, которые отбывались крестьянами за то, что им обеспечивается пользование землей. Главную массу его составляют сельскохозяйственные продукты, производимые крестьянами как на собственных полях, так и на барских заимках: Они вполне удовлетворяют потребность сеньера, его дружины и домохозяев в средствах питания.

Шерсть, лен, пенька, доставляемые крестьянами как оброк, дают достаточные материалы для одежды. Переработка их производится в доме сеньера. Знатные германские женщины феодальной эпохи с таким же знанием дела организовали пряденье, вязанье и ткачество, как русские боярыни руководили сложными производствами девицей. Во многих случаях оброк состоял прямо из тканей.

Различные предметы домашней утвари: посуда и некоторые украшения, а иногда и оружие, доставлялись тоже в виде оброчных статей или производились при отбывании барщины. Хозяйственный сеньер старался создать в своей области самые разнообразные производства, совершенно эмансипироваться от внешнего мира в удовлетворении своих потребностей. Так возникло, напр., металлургическое производство Штирии и Золлингена.

Зависимые крестьяне, получившие достаточный навык в определенных промышленных производствах, сначала занимаются ими лишь между прочим и сохраняют свое земледель-

ческое хозяйство. От остальных крестьян они отличаются только тем, что оброк сельскохозяйственными продуктами и сельскохозяйственная барщина заменяются для них промышленными оброком и барщиной.

Но пока получение многих продуктов феодальным хозяйством находится в полной зависимости от крестьянского производства, общий строй ойкоса остается невыдержанным. Сеньер стремится сосредоточить под своим непосредственным ведением все необходимые отрасли производства и получать от крестьян только труд, предметы питания и сырье.

Крестьяне, специализировавшиеся в промышленном производстве, водворяются при господском дворе. К ним присоединяются специалисты, привлекаемые извне или просто взятые в качестве военной добычи. Это — зародышевая форма позднейших дворовых крестьян. От последних они отличаются тем, что их связь с собственным сельскохозяйственным производством порвана не окончательно. Они еще получают небольшой участок земли и сами должны производить для себя пищу и одежду. Но ясно, что это лишь переходная ступень к положению дворовых крестьян, у которых нет собственного хозяйства, и которые всю свою рабочую силу отдают господскому производству.

Двор крупного сеньера постепенно превращается в обширный производственный организм, в котором сосредотачиваются всевозможные специалисты: кузнецы, слесари, оружейные мастера, ткачи, красильщики, музыканты, пекари, портные, цирюльники, пивовары, виноделы, бондари и т. д. К ним присоединяются целые армии организаторов различных степеней и специальностей: управляющие, приказчики, писцы, таксаторы, заведующие отдельными отраслями военного дела — продовольствием, укреплениями, стражей, обозом. Словом, в развитом хозяйстве крупного феодала мы найдем эмбриональные формы всего позднейшего разнообразия профессий, всех позднейших дворцовых и государственных званий и должностей. Наименованием некоторых из них: егермейстер, пталмейстер, камергер (охотничий или доезжачий, конюший, дворецкий), и, в особенности, общим духовным обликом их носителей современное государство отчасти еще до сих пор напоминает, что его организация зародилась в вотчине, нашла свою исходную точку в дворовой челяди, развилась из личных служб феодала.

Несмотря на огромный размер хозяйства сеньера, его цель остается прежняя, такая же, как и в крестьянском хозяйстве: непосредственное удовлетворение всех потребностей продуктами собственного производства. Только предметы, которых никак нельзя достать в данной местности, добываются посредством обмена. Только продукты, представляющие избыток над обычными потребностями, поступают в обмен. Таким образом последний не затрагивает общих основ ойкосного хозяйства, а, напротив, служит их укреплению.

Уровень жизни мелкого рыцаря на всем протяжении феодальной эпохи мало отличается от крестьянского быта. Простой, даже суровый образ жизни диктуется ему и самой профессией, и всей совокупностью экономических отношений. Своей усадьбой он связан короткое время, большая часть жизни проходит в походах и около главного предводителя. Поэтому, хотя у рыцаря имеется всего какой-нибудь десяток вассальных крестьянских дворов, он, довольствуясь малым, не взвинчивает чрезмерно их повинностей, а с другой стороны, вынуждается щадить их, чтобы они не передались другому сеньеру.

В ранний период феодальной эпохи крупному сеньеру тоже приходилось бережно относиться к крестьянам. Дружина еще не обособилась от чисто земледельческой массы. Объединение областей в крупные сеньории еще не приняло устойчивых форм. Крестьянство еще далеко не осело, не размежевалось территориально по своей вассальной зависимости. Между объединителями-сеньерами шла своеобразная конкуренция, в которой побеждал тот, кто привлекал большие массы крестьян, передававшихся вместе с землей или оставлявших старую землю.

Этого мало: у сеньера этого периода не было и особенных побуждений к усилению эксплуатации. Старший товарищ дружинников, сеньер ведет такую же походную жизнь, как и они, сохраняет такие же простые и суровые привычки, которые приближают его к крестьянам. Не роскошь привлекает к нему дружину, а боевые достоинства. Предания о раннем периоде феодализма у всех народов рассказывают о вождях, не чуждавшихся грубых пирушек, но презиравших уют и комфорт, не говоря уже об оседлой роскоши. Моралисты эпохи разложения феодализма у всех народов, а не только у римлян с эпохи Пунических войн, плачутся о гибели этих простых, патриархальных привычек и нравов.

В отношениях дружины воспроизводятся внутренние отношения мирной феодальной группы. Как предводитель только с большой медленностью обособляется от дружины, так и сеньер по своему образу жизни лишь постепенно обособляется от простых земледельцев. Повинности последних должны обеспечить для него удовлетворение более или менее элементарных потребностей. Не предъявляется особенно повышенных требований и к дворне и даже к рабам, которые появляются уже в феодальный период. Рабами пользуются не для того, чтобы выколачивать из них прибавочную стоимость и обменивать полученный продукт на предметы роскоши. Они употребляются для разных домашних работ, иногда играют роль писцов, приказчиков, воспитателей и т. д., связываются общностью жизни с семьей феодала и становятся чем-то в роде неполноправных ее членов.

* * *

Общий строй производственных отношений у кочевников феодальной эпохи такой же, как у земледельцев. Сеньер организует охрану стад и территорий, на которых они пасутся, оказывает помощь в случаях нападения, разбирает столкновения подвластного населения, ведает отношениями к соседним ордам и т. д. Его доход тоже принимает форму ренты и сначала является вознаграждением за то, что, направляя коллективную деятельность, он обеспечивает общие условия необходимые для скотоводства. Барщина не играет такой роли, как у земледельцев. Дань скотом и продуктами скотоводства представляет основную форму повинностей вассального населения. Но главным базисом силы шейхов, князьков и т. д. являются их собственный род и собственные стада, как для европейского феодала — его собственное хозяйство. Военно и мирно-организаторские функции у кочевников самым характером их производства связываются теснее, чем в земледельческих группах. Нет и такой резкой дифференциации между мирными и военной профессиями. Но зато иногда очень рано выделяется профессия торговцев, которые поселяются в центрах обмена и разными средствами: то откупаясь от кочевников, то объявляя себя их «подданными», вассалами, «слугами», то нанимая их в качестве охранной стражи, то выдвигая одну орду против другой, — с переменным успехом организуют движение караванов. Так было в прибрежных городах Персии и особенно Аравии в период до «распространения Ислама»; такой характер до сих пор носят многие города северной Африки и современной Персии.

Вследствие особой подвижности кочевника, меновые отношения развиваются у них с наибольшей быстротой. Процесс расслоения тоже протекает быстрее, чем у земледельцев. Хозяйства рядовых членов не просто подчиняются хозяйством главы родовой или семейной общины, но иногда совершенно поглощаются им. Патриархальная форма раньше всего достигает полной выработанности. Рядовые члены фактически сами превращаются в собственность господина. Их существование, как и существование настоящих рабов, в которых превращаются военно-пленные, становится неотделимым от господского хозяйства и производства. Однако, пока господство принадлежит натурально-хозяйственным отношениям, рабство и здесь имеет сравнительно мягкий характер. Так было, напр., у арабов до основания ими обширных феодальных государств и, повидимому, у турок накануне столкновений их с европейцами.

Когда кочевники прочно осаживаются на определенных территориях, феодальные отношения не создаются у них вновь, а просто расширяются и упрочиваются. Тот метод подчинения, который в эпоху «распространения Ислама» арабы, турки и татары применяли к завоеванным земледельческим странам, не был изобретен ими специально для данного случая: они просто переносили в новую область те формы об-

щественных связей, которые развились у них уже при кочевом быте.

4. Процесс феодального объединения.

В предыдущих главах мы познакомились с основной ячейкой феодального общества: с земледельческой (и кочевой) общиной, с строем ее производства, с положением в ней мирных и военных организаторов. Теперь необходимо обратиться к изучению того, как и почему объединялись эти общины и давали начало феодальной системе, феодальному обществу.

Необходимые предпосылки для развития феодальных отношений между соседними группами следующие.

Производительность труда должна быть достаточно высока для того, чтобы группы, обособленные раньше, большими пространствами, необходимыми для их существования, начали ближе соприкасаться друг с другом. Между ними должны установиться соседские отношения. Меновые отношения становятся необходимым условием существования родов, но остаются для них более или менее внешними, не втергаются внутрь. Развивающаяся собственность разлагает, дифференцирует род, но не уничтожает его. Экономическое существование тех семейных общин, на которые он постепенно распадается, было бы немыслимо, если бы они в известных случаях не прикрывались более обширной и сильной коллективностью рода. Более того, — новые производственные отношения ведут к созданию новой коллективности: соседние роды объединяются для осуществления совместных предприятий, будут ли то отдаленные походы для обмена, или захват чужих территорий, или же защита собственной территории.

Все эти предпосылки в известной мере осуществляются уже у кочевых скотоводов и даже раньше, в период перехода от первобытного скотоводства и земледелия к следующим ступеням техники. В предыдущем мы уже приводили данные относительно того, насколько значительна была плотность населения у таких примитивных земледельцев и скотоводов, как германцы и кельты в эпоху их первых встреч с римлянами, или у рыбачьих племен с зачаточным земледелием на островах Тихого океана. Она не уступает плотности земледельческих стран с господством дикой переложной системы (до 10.000 человек на 1.000 кв. километров), которая долго удерживается в богатых лесами областях, и лишь раза в 2—2¹/₂ меньше плотности населения античного мира и средневековой Европы, перешедшей к трехполью (19—25 тысяч человек на 1.000 кв. километров). Несравненно большая плотность чисто земледельческого населения наблюдается только в областях, особенно благоприятных для земледелия, с пре-

обладания культуры сгородного типа, как современная Индия или Китай (более 150.000 человек на 1.000 кв. километ.).

Во всех этих случаях отдельные роды, как бы обширны они ни были, не могут сохранить своей обособленности и приходят к созданию более или менее урегулированных отношений друг с другом. Поэтому зачатки феодализма наблюдаются как у германцев эпохи Тацита, так и у отсталых скотоводов, каковы, напр., современные чукчи.

По мере выделения и обособления организаторских функций и, в частности, военно-организаторских функций, масса родовой группы утрачивает инициативу и самую дееспособность, которыми она обладала раньше в своем полном недифференцированном составе. Союзы между отдельными родами отливаются в форму договоров между вождями. Сначала каждый род принимает участие в обсуждении договора, направляет деятельность вождя, по меньшей мере, контролирует ее. Так было еще у германцев эпохи внедрения их в пределы Римской империи, в период перехода от довольно первобытного производства к новому земледелию. С дальнейшим развитием и упрочением власти вождя, с превращением ее в наследственную функцию определенной семьи, вождь становится воплощением всей коллективной воли своего рода. Союзные договоры заключают полновластные представители родов.

Объединению родов, установлению мира между ними, обыкновенно предшествовала война. С повышением производительности труда, с сокращением площади, необходимой для существования группы определенных размеров, каждый род со всех сторон окружается враждебными группами. Уничтожение всех соседей становится неосуществимой задачей. Род, на сторону которого склоняется перевес, на первых порах ограничивается слабой формой подчинения соседнего рода, принудительным превращением его в военного союзника. Увеличив свои силы силами союзника, первая родовая община уже без труда подчиняет разъединенных соседей, т. е. раскидывает союз на более или менее обширную область. Создаются территориальные союзы, отдельные части которого слабо и внешне объединены между собою обменом, не принимающим внутрь, и принудительной силой завоевателя. Именно такие союзы образуют знакомые нам по главе об обмене группы с третьей формой обмена, с неустойчивыми местными «деньгами», как янтарь, скот, шкуры, куски меди и т. д.

Обрядности, сопровождающие заключение договора, символизируют, что одна из сторон — побежденный, другая — победитель. Побежденный становится на колени, «бьет челом», протягивает беспомощно сложенные ладонями руки к победителю, который иногда наносит ему удар, иногда требует целования своей ноги, иногда становится ею на голову побежденного, «сокрушает ему выю», и т. д. Смягчаясь, эти обрядности могут утратить свой первобытно-откровенный характер,

но сохраняют воспоминание о своем происхождении из отношений борьбы даже в тех случаях, когда никакой борьбы не предшествовало заключению договора.

Содержанием договора является обещание защиты, в первую очередь военной защиты, со стороны вождя, представителя победившего рода, и обязательство службы, прежде всего военной службы,—со стороны представителя побежденных. Первый становится господином, сеньером, второй—вассалом, слугой. По первому призыву господина он должен являться «со своими людьми».

Раз возникнув, форма вассальных отношений распространяется вглубь, на такие сферы, где, вообще говоря, нет места вооруженным столкновениям. Вождь родовой группы (как напр., ирландского клана в VII—IX веках до Р. X.) превращается в сеньера; главы семейных общин, на которые теперь распадается род, становятся его вассалами, обязанными перед ним службой и данью. Наконец, даже эти главы начинают чувствовать себя не простыми представителями своих групп, не просто исполнителями определенных технических функций, а тоже сюзеренами, повелителями. Складывается тот строй семьи, который принято называть восточным, но который в своих основных элементах достиг вполне достаточного развития и в Европе. В этом отношении, как и в других, феодализация была новой ступенью в развитии патриархата, продолжением и предварительным завершением той борьбы, которую организатор ведет за превращение своей функции в свою исключительную привилегию.

Феодальные отношения мало-по-малу расширяют область своего действия. Создаются меж-областные союзы; сеньеры отдельных областей становятся вассалами того из своей среды, которому благоприятствуют естественные и экономические отношения его области; политически использовав экономическую потребность в объединении и уже совершающееся объединение, он выступает в качестве «собираателя» своей земли, становится сувереном, — еще не монархом, т. е. не «единодержцем» и уж во всяком случае не «самодержцем» в позднейшем значении слова, а лишь «первым между равными». Даже в своей области «державными» правами он располагает по отношению только к тем владениям, которые составляют его прямую собственность, наследственную или полученную при разделе добычи. Представители отдельных родов сохраняют все свои права по отношению к своим группам. Феодальное объединение просто прикрывает их военной силой объединившихся родов от внешнего нападения и дает возможность мирно улаживать взаимные столкновения. Отдельные группы феодальной системы утрачивают свою самостоятельность лишь в той мере, в какой этого требует защита во вне и размежевание внутри.

Процесс феодализации иногда изображается у историков, как процесс *раздробления* власти и самого общества. Такие

представления совершенно ошибочны. В действительности феодализация есть процесс объединения, принимающий внешний вид распада, процесс утраты самостоятельности, отливающийся в форму ее сохранения и приобретения. Передавая вассалу в качестве лена то, что и раньше принадлежало ему, сюзерен гарантирует себе в нем союзника вместо врага. Получая от сюзерена лен, вассал обезпечивает его от военных вторжений как соседей, так и самого сюзерена. Так создается система слабых, но тем не менее организованных общественных связей между группами, которые до того времени представляли обособленные миры с неустойчивыми, случайными и неорганизованными связями, колеблющимися между грабежом-обменом и просто войной.

Сюзерну приходится довольствоваться на первых порах почти только номинальной зависимостью вассалов. Последним принадлежит широкое право перехода к новому сюзерну, отказа от прежнего. Принципиально оно ничем не ограничено, практически ограничивается изменяющимися конкретными условиями: соотношением сил борющихся друг с другом «собирателей», относительной опасностью того или иного из них. К претенденту, которому улыбнулся успех, переходят вассалы его противника и тем самым ускоряют и закрепляют его торжество, — закрепляют до тех пор, пока где-нибудь не появится новый объединитель, который в свою очередь начнет отбивать и переманивать вассалов к себе.

Пограничные территории между владениями конкурирующих объединителей в особенности являются областью переходов вассалов с одной стороны на другую. Еще в эпоху Столетней войны (XIV—XV в.) крупные областные сюзерены объявляли себя попеременно вассалами то английского, то французского короля, — как пограничные Рюриковичи переходили то к Литве, то к Москве.

Эта слабость и легкая расторможимость общественных группировок представляет типичную черту феодального периода общности. В этом — разгадка тех быстрых революций, которые одна за другой следовали у кочевников — полбвцев, татар, арабов, у последних даже после перехода к оседлости и основания сильных государств, — и приводили то к полному безсилию, то к грозному объединению каким-нибудь завоевателем, который через короткое время устраняется новым объединителем. В этом же надо искать объяснения многих явлений в современной Персии, Малой Азии, Марокко, Албании, которые на наших глазах во многом воспроизводят раннее средневековое Европы. Мелкие и крупные князьки и князья, все эти «султаны», «ханы» и «беки», являются феодальными вождями отдельных «племен», т.-е. областных объединений слабо связанных между собою и почти номинально — с центральной властью. Даже назначаемые агенты последней находят в экономической обособленности отдельных областей достаточную опору для своей самостоятельности и

при случае становятся на сторону противников своего суверена, — как номархи древнего Египта и особенно сатрапы древней Персии решали исход переворотов своим присоединением к той или другой стороне.

Необходимость сосредоточить силы для захвата новой территории или для защиты старой может иногда приводить разрозненные феодальные миры к временной военной централизации. Так было с татарами, арабами и норманнами эпохи завоеваний; так было в Западной Европе на границе VIII и IX веков, когда ей пришлось напрячь все свои силы для принудительной ассимиляции саксов и для отражения аваров и особенно мавров. Однако и в этих случаях централизация при обычных условиях остается почти исключительно военной, и лишь постольку сопровождается зародышевыми формами экономической, финансовой и административной централизации, поскольку это вызывается потребностями военной централизации. Да и военная-то централизация очень непрочная; она разрушается, едва лишь общему врагу нанесен серьезный удар.

Иерархическое расчленение складывающегося общества, характерное для феодализма, может возникнуть не только как результат самостоятельного объединения группы родов, занимающих ограниченную область и медленно охватывающихся совместностью борьбы за существование. Этот процесс во многих случаях ускоряется воздействиями извне.

Развитие военной техники приводит к тому, что военное дело шаг за шагом обособляется в специальное занятие особой группы лиц. Внутри некогда однородной родовой группы намечается разделение труда по новой линии: на мирные занятия и войну. При новых условиях ведения войны полная боевая способность дается только тяжелым вооружением, при котором использованы все приобретения железной и стальной техники. Оно экономически доступно только немногим, преимущественно тем, кто уже раньше был причастен к военно-организаторским функциям. Новая военная организация представляет полный разрыв со старинным боевым строем, воспроизводящим строй рода и характеризующимся слабой дифференцированностью, если не полным ее отсутствием. Главной боевой силой становится уже не род, как прежде, и даже не все мужчины, а именно тяжело вооруженные *воины*, постепенно выделяющиеся в особую профессию. Остальные члены рода выступают с легким вооружением: луком, легкими метательными дротиками — в противоположность тяжелому копью воина, применяющего его для рукопашной схватки, — деревянным, иногда обтянутым воловьей кожей щитом — в противоположность металлическому щиту, панцирю и шлему воина. Они составляют просто вспомогательные отряды, которые лишь начинают битву или довершают победу. Это — по большей части пешее войско, между тем как профессиональные воины уже в древнем мире начинают разви-

ваться в конницу (боевые колесницы Востока и Греции, всадники Рима), а в средние века составляют конницу по преимуществу (рыцари).

Вспомогательные отряды из массы членов родовой группы имеют серьезное значение только при одном условии: если война ведется на собственной территории рода или в непосредственной близости от нее. Между тем для феодального периода характерно то, что район и масштаб столкновений все возрастает: прежние местные войны все более сменяются отдаленными походами.

Организация их принимает форму дружины. Дружину составляли сначала все воины рода — или группы союзных родов, — которые, отправляясь в поход, «поднимали на щите», избирали одного из своей среды в герцоги, в главные предводители. Строй дружины оставался приблизительно копией рода или союза родовых групп: то же самое расчленение, то же главенство коллективной воли над индивидуальной волей организатора или, по меньшей мере, полная подконтрольность всех действий последнего. Дружинники не столько подчиненные вождя, сколько его боевые товарищи.

С дальнейшим обособлением военно-организаторских функций и закреплением их за определенной группой лиц, характер дружины изменяется. Вождь сам выступает инициатором похода и с самого начала организует дружину: набирает своих собственных дружинников, привлекает к себе в качестве вассалов других предводителей, которые приходят со своими дружинниками-вассалами. Устройство дружины и здесь воспроизводит строй общественных отношений в группе объединившихся родов. Но, во-первых, строй дружины оторвался от родового устройства в том смысле, что воин может переходить от одного предводителя к другому, так что каждая часть составляется из членов различных родов. Во-вторых, в дружине, как специально военной организации, феодальная система с ее иерархической лестницей отношений зависимости быстрее достигает высокой степени ясности и выработанности. В-третьих, в дружине феодальная система отрывается от своей основы, союза соседних родовых групп, приобретает самостоятельное существование и получает возможность перемещаться в то время, как ее первоначальный базис остается на прежнем месте. Дружина как бы превращается в особый самостоятельный род, главное производство которого составляет война и обмен.

Если поход оканчивается успешно, феодальные отношения могут быстро упрочиться и кристаллизироваться в новой стране, подвергавшейся завоеванию. Главный предводитель становится сувереном, вожди крупных дружин, его вассалы, получают в качестве бенефиция обширные области, часть их оставляют в своем непосредственном распоряжении, другую часть передают на основании вассального договора своим ближайшим сотоварищам по походу и превращаются таким обра-

зом в крупных сюзеренов. Рядовые дружинники как главного предводителя, так и второстепенных вождей, в свою очередь, получают, каждый от своего сюзерена, небольшие бенефиции, чтобы на доходы от покоренного населения поддерживать свою боевую готовность и являться на службу по первому призыву своего сеньера. Это — самураи Японии, подвассалы и рыцари Западной Европы, главная масса пиквов древнего Перу, мелкие бояре, дети и слуги боярские удельного периста Руси, польская шляхта, каста воинов в Индостане. Последняя, как и другие касты Индостана, повидимому, менее отличалась от профессий-сословий феодальной Европы, чем то представлялось прежним историкам.

Пользование теми феодами, которые возникают в таких случаях, носит более условный характер, чем в том случае, когда вассал не получает землю от сюзерена при заключении феодального договора, а является к нему с своей землей и просто превращает ее в вассальную, чтобы вернее обезпечить ее за собой. Право перехода с землей и службой от одного сеньера к другому здесь значительно суживается. Вассал пользуется бенефицием лишь до тех пор, пока он несет службу своему сюзерену. Так возникли более централизованные феодальные отношения, напр., Англии XI века, после норманнского завоевания.

Однако бенефиций с течением времени утрачивает характер условного пожалования, связанного с обязательством службы и превращается в аллод, или ветчину вассала. Это — совершенно естественная тенденция средневекового землевладения. В обществе, представляющем ряд экономически самостоятельных миров, объединение может быть только более или менее внешним, политическая власть — более или менее местной, зависимость местных миров — более или менее помпательней.

Но внешнее иноплеменное завоевание вообще не играло такой творческой роли в развитии феодализма, не имело такого огромного значения, какое приписывают ему у разных народов предания об «основании государств» или феодальные представления о «белой кости» и «голубой крови», предназначенных к господству «черной крови» и «красной крови», неконии предназначенных к подчинению. Для ограниченного сознания все, что лежит за пределами его натурально-хозяйственного мирка, является «иноплеменным». Не даром даже для городского мира европейских средних веков всякий приезжий купец, вначале просто всякий купец, как представитель новых форм, разрушающих старый строй экономических отношений, все, что являлось извне, всякий, кто не принадлежал к числу жителей данного городка, — все это были «Fremden», чужаки, иноземцы, инностранцы. Дружина феодальных объединителей Месопотамии, Египта, Ирана, древней Руси тоже неизменно представлялась для объединенных сплошь иноплеменной. И это даже в тех случаях, когда, как на древнем Востоке, она

была на первых порах, несомненно, туземной и только впоследствии, в после-феодалный период, сменилась наемными войсками и свитой, или лейб-гвардией, употребляя современные термины. Такое явление как нельзя больше естественно. В дофеодалный период с его узкими общественными отношениями всякая группа союзных родов была экономически отдельна от других групп никак не меньше, чем на позднейшей ступени развития—представитель одной нации от представителя другой земли или нации. С другой стороны, дружина, как упомянуто выше, действительно обособляется от массы тех общин, которые дали ей начало, и развивается в своеобразное подобие самостоятельного рода: с особым способом производства, с особыми функциями, особыми интересами, обычаями и бытом.

Как бы то ни было, действительно внешнее завоевание, несомненно, имело место в некоторых случаях возникновения феодальной системы. Но если приглядеться к делу поближе, то будет ясно, что главное—вовсе не в иноплемениности завоевателей и даже не в завоевании самом по себе.

Прежде всего, то объединение, которое связывало завоевателей, пока они составляли дружину, после завоевания сохраняется у них только при известных условиях. Завоеватели Ирана, Малой Азии, некоторых частей Балканского полуострова, вообще территорий, разделенных горами на замкнутые недосыгаемые области, не могли устоять перед силой центробежных тенденций. Осевши в этих областях, они утрачивали связь между собой, объединение отдельных мирков становилось чисто номинальными; патриархально-родовая раздробленность—с нескончаемой мелкой войной, с затяжной кровной местью, с самосудами вместо организованного суда—приобретала решительный перевес над феодальным объединением, которое все же характеризуется стремлением организованно регулировать взаимные отношения автономных частей. Как бы сильны ни были завоеватели, они не могут сколько-нибудь быстро изменить способ производства у завоеванных. Следовательно, для того, чтобы дружина завоевателей дала начало развитым формам феодализма, требуется, чтобы процесс феодализации начался в завоеванной стране еще до вторжения завоевателей: чтобы в ней еще раньше сложились экономические предпосылки феодального объединения. Внешняя сила, завоевание, может лишь ускорить действие внутренних сил.

С другой стороны, необходимо, чтобы по уровню своего производства и, следовательно, по выработанности и устойчивости феодальных отношений завоеватели не особенно отличались от завоеванных,—только тогда они могут ассимилировать экономический строй новой страны, ускорить процесс ее феодализации, сделать свое завоевание прочным, подчинение завоеванных глубоким и длительным. История знает

немало примеров, когда кочевники, сплотившись под воздействием временных обстоятельств в мощную военную силу, оказывались не в состоянии подчинить себе производство покоренных и овладеть их политическим аппаратом. В их феодализме верх одерживали центробежные тенденции, между тем как феодализм побежденных опирался на развивающиеся экономические отношения, почти не затронутые завоевателями, и переходил к высшим формам объединения, к более тесному общественному сплочению. После нескольких столетий чисто внешнего подданства побежденная сторона без особых усилий свергала иго завоевателей. Так было с татарским завоеванием старой Руси, и, повидимому, так же было с завоеванием древнего Египта гиксами.

Из этого следует, что внешнее завоевание не представляет какого-либо особого способа возникновения феодальных обществ и несколько не объясняет, как и почему вообще развиваются феодальные отношения. Объяснения всегда приходится искать во внутренней истории покорителей и покоренных. Будут ли они единоплеменниками или иноплеменниками, это не имеет существенного значения.

В России VIII—IX веков идет первоначальное объединение самостоятельных родов, разбросанных по системам Волхова и Днепра. Оно подготовлялось оживленным обменом, развивающимся по течению этих рек. Военно-меновые походы норманнов (варягов), которые для грабежа и обмена проникали с севера до самой Византии, ускорило процесс разложения и первичного объединения, славянских родов. Намечились обширные областные союзы, концентрирующиеся около главных пунктов обмена. Важнейшие из них—новгородский на севере, киевский на юге. Роды, жившие в стороне от главных путей обмена, в особенности среди непроходимых лесов, еще долго оставались разьединенными и в своих взаимных отношениях, в своих брачных обычаях и т. д. сохраняли черты первобытности, удивляющей их соседей, у которых быстро изгладилось самое воспоминание о ней.

Указание летописей на обостренную борьбу, которая будто бы заставила «призвать варягов» для водворения порядка, можно понимать таким образом, что уже давно начался процесс объединения *местных* миров. В роли решительных *меж-областных* объединителей на время выступили варяги. Они издавна занимались грабежом-обменом и среди славян, и в византийских владениях. Подчинив себе небольшую группу славянских родов, они уже без труда могли подчинить одну за другой остальные разьединенные группы. Серьезного сопротивления, вероятно, не было. Экономическое развитие уже подготовило политическую феодализацию. Объединение, т. е. слабое, зачаточное-феодальное подчинение, быстро пошло по путям, которые проложил обмен. Оно вносило «порядок»: таким образом связывало роды, расположенные на торговых путях, что во взаимных отношениях между ними грабеж-обмен

уступал свое место мирному обмену, и что они уже соединенными силами могли предпринимать походы на Византию. Византийцам долгое время приходилось вести упорную борьбу с военно-торговыми дружинами славян в своих северных владениях, откупаться деньгами, подарками и *торговыми льготами* от их смелых набегов под самые византийские стены. Это — обычные отношения первоначальной торговли, которая долгое время колеблется между собственно обменом и односторонним захватом. Они аналогичны вторжениям в Западную Римскую империю германцев, переживших за полтысячи лет до славян такой же процесс первоначального объединения родов. Упадок и гибель крестьянства, которое составляло главную боевую силу старого войска, и быстрое просачивание варваров, которыми заполнялись образующиеся в армии пустоты, были в Восточной Римской империи совершенно так же, как и в Западной, предпосылками успешности внешних вторжений.

Как бы слабо ни было первоначальное объединение славян, оно вполне удовлетворяло потребностям, назревшим на данной ступени экономического развития.

Дружина объединителей, несомненно, почти с самого начала была смешанная: и славянская, и норманнская. При близости уровня экономического развития завоевателей и завоеванных очень быстро произошла полная ассимиляция тех и других. Организаторские и, в частности, военно-организаторские функции еще не оторвались от массы организуемых, но меньшей мере не вышли из-под их контроля. Их собрания, «веча» в новгородско-киевской Руси призывают и смещают князей. На юге функции народного собрания, повидимому, исполняла дружина, т. е. наметилось обособление профессии воинов. В Новгороде перевес силы склонился на сторону торговой олигархии, которая через вече подчинила себе дружинные элементы, препятствовала их обособлению, равно как и полному выделению мирно-организаторских функций (изгнание князей, выборность посадника и проч.). Это — уже конец феодализма, близко напоминающий средневековые итальянские отношения, которые характеризуются торжеством городских торговых элементов над сельским землевладельческим дворянством.

В древнейший период новгородско-киевской Руси князь исполнял функции вождя только с согласия и под контролем дружины. Его семья еще не завоевала исключительно-привилегированного положения; его сотоварищи, которые являются с собственными дружинами, становятся князьями обширных областей и при случае порывают слабые вассальные отношения. Тем не менее в процессе борьбы уже вырабатывается устойчивая связь между организаторскими функциями и патриархальным княжеским *родом*, из которого еще не успела выделиться патриархальная *семья* главного предводителя старой дружины. Борьба за привилегированное положение стар-

шего сына уже идет, но главенство переходит пока к старшему в княжеском *роде*. Матриархальный род уже разложился, хотя некоторые следы его сохранились; патриархальный род торжествует, патриархальная семья развивается.

Начиная с XII века, днепровская Русь, осаждаемая новыми и новыми полчищами кочевников, все больше отрывается от Византии и утрачивает прежнее экономическое значение. Возможно, что некоторую роль сыграли и климатические изменения; уменьшение количества осадков и, в связи с этим, ухудшение условий для земледелия и, напротив, улучшение их для кочевого скотоводства (расширение степи за счет лесов и болот). Земледельческое население отливает с юга. Идет колонизация северо-востока. В потомке дружинника воин все более ступевывается перед сельским хозяином. Создается сложная сеть поземельных феодальных отношений, до мелочей напоминающая отношения западно-европейского феодализма. Мелкие натурально-хозяйственные миры связываются вассальными отношениями в более крупные областные союзы. По мере того, как возникающий обмен подтачивает их экономическую самостоятельность, разворачивается упорная и затяжная борьба между крупнейшими сюзеренами, стоящими во главе крупных областей. Победа склоняется, наконец, на сторону московских объединителей, вотчина которых лежит в центре меновых отношений северо-восточной Руси, отчасти в центре торговых путей, которые связывают Западную Европу с Востоком, когда другие пути сделались недоступными; остальные области экономически тянут к Москве. Но завершение феодального объединения в Московской Руси, как и повсюду, было уже отрицанием феодальной системы. Из собственно феодального периода с господством натурального хозяйства, с преобладанием непосредственного обмена между родами или их сеньерами, с живучими остатками патриархально-родового начала в отношениях сеньеров и особенно массы населения, с экономической, военной, административной, финансовой и судебной децентрализованностью, оно выводит нас в период усиления денежно-меновых отношений, укрепления патриархально-семейного начала, превращения феодалов (*Grundherren*) в помещиков (*Gutsherren*), полицейской централизации войска, управления и суда, в эпоху развития крепостной системы.

То самое экономическое развитие, которое стало возможным благодаря слабому феодальному объединению обширных территорий, сделало недостаточной эту степень объединения. Феодализм развернул все заключавшиеся в нем возможности и уступил место новой, им самим подготовленной системе общественных отношений.

Дифференциация мирно-организаторской деятельности.—Духовное сословие.

В предыдущих главах мы проследили возникновение двух основных сословий феодального общества: сеньеров (феодального сословия), с одной стороны, и крестьянского сословия — с другой. К ним почти с самого начала феодального объединения присоединяется, как особое подразделение сеньеров, еще одно сословие: духовные сеньеры, жрецы.

Пока роды остаются разьединенными, обособление организаторских функций, военных и мирных, не может пойти дальше зародышевых ступеней. Отношения, среди которых живет каждая группа и которые ей приходится регулировать, более или менее просты. Деятельность организатора в общем направляется волей всей группы и, по меньшей мере, контролируется всей группой.

Процесс объединения патриархально-родовых групп, усложняя функции военного организатора, ведет, как показано выше, к превращению их в постоянные, а потом и в пожизненные. Сюзеры всего союза и сеньеры отдельных групп сосредоточивают исключительно в своих руках заведывание внешними отношениями, которые по своему характеру более напоминают неустойчивое перемирие, чем прочный мир.

Сходными явлениями процесс феодального объединения сопровождается и в сфере мирно-организаторской деятельности.

Как показано выше, уже в патриархальный период от старейшины, на котором лежит непосредственное, техническое заведывание производственной деятельностью общины, начинает обособляться знахарь, шаман. По мере того, как земледелие и скотоводство все более удаляются от собирания дико-растущих растений и охоты за дикими животными, точное определение различных моментов сельскохозяйственного цикла становится все более важным и вместе с тем — все более сложным делом. Необходимо во-время подготовить пашню, иногда исправить оросительные сооружения, необходимо в надлежащий момент произвести посев; необходимо не просто следовать за стадами, а предусмотреть недостаток корма, напр., от засухи, и заблаговременно принять надлежащие меры. У племен, для которых главным источником существования становится рыболовство, такую же важность приобретает предвидение тех моментов, когда начинается ход рыбы, когда она приближается для метания икры к отмелям, к устьям рек, когда уходит обратно. Предвидение смены времен года и даже общего характера предстоящего года: засухи или избытка влаги, слабого или необычно-сильного разлива, становится необходимым условием существования родовых групп. Оно строится по более или менее объективным приметам и по явлениям жизненного процесса в окружающем

мире. Эмпирические наблюдения накапливаются от поколения к поколению. Хранение их становится главным делом знахаря, между тем как старейшина превращается в исполнителя его общих указаний. Врачевание, которое основывается на наблюдениях за действиями больных и раненых животных, на случайных опытах предков, на сопоставлении явлений заболевания и выздоровления с применением той или иной пищи, той или иной воды и т. д., тоже развивается в сложное искусство, требующее значительных знаний и большой наблюдательности. Оно равным образом входит в круг деятельности знахаря.

В преемственном ряду поколений каждая группа накапливает огромный трудовой опыт, в котором резюмируется достигнутая ступень подчинения природы коллективом. Обладая этим коллективным опытом и применяя его на практике, знахарь становится как бы воплощением всех накопившихся его предков, организатором над организаторами. Он не принимает непосредственного участия в работах, которыми группа продолжает подчинять себе природу, но зато направляет всю деятельность ближайшего организатора этих работ, старейшину. Воплощая в себе этот опыт, уже он, а не старейшина, начинает руководить и тем примитивным культом, в котором выражается связь настоящего поколения с прежними организаторами.

Как и в случае с военно-организаторскими функциями, выделение этих мирно-организаторских функций остается в зародышевом состоянии, пока отдельные роды сохраняют прежнюю обособленность. Пока знахарь—или старейшина в качестве знахаря—обслуживает своей деятельностью сравнительно узкую и малочисленную группу, его функции только в редких случаях выходят за пределы кругозора членов группы, его жизнь остается связанной с общим существованием группы. Выделение жреческих функций, как специального занятия новой профессиональной группы-сословия, делает крупный шаг вперед лишь с того времени, когда патриархальные группы начинают объединяться в более или менее длительные союзы.

Возникновение этих союзов сопровождается объединением, общением и дальнейшим расширением трудового опыта всех постепенно объединяющихся групп. Та более или менее узкая борьба с природой, которую до того времени изолированно вела каждая кровная группа, начинает развиваться в общественную, в совместную борьбу, в которой принимают участие все союзные группы. Из старых родовых общин и над ними возникает примитивное общество,—и вместе с тем ограниченный трудовой опыт этих общин расширяется в общественный опыт.

Хранителями этого расширенного и обобщенного опыта становятся священники, жрецы, которые в феодальных союзах являются преемниками старых знахарей. Только в немно-

гих случаях можно было бы непосредственно проследить, как с первоначальным объединением родовых общин знахарь шаг за шагом развивался в жреца. Но знакомство с основными функциями последнего убеждает, что они действительно представляют лишь развитую форму знахарских функций¹⁾.

Те более или менее шаткие приметы, которыми руководствовался знахарь патриархальной эпохи, определяя моменты различных работ в сельском хозяйстве, сменяются в феодальный период более или менее точными вычислениями перемены времен года. Начиная с VIII века до Р. Х., жрецы Греции дают ряд постепенных приближений к определению продолжительности года. Выражая видимый кругооборот солнца в лунных месяцах, вводя поправки на основании тщательных наблюдений, дельфийские жрецы уже в конце VII века приходят к тому, что устанавливают сравнительно точное летоисчисление и наперед определяют момент, когда земля и солнце или луна будут находиться в известном относительном положении, т.е. дают precise опорные пункты для земледелия господствующей отрасли производства²⁾.

Для земледельческих стран вообще достаточно *приблизительное* определение момента, когда следует начинать, напр., посев яровых или озимых хлебов. Напротив, для таких стран, как Египет, Месопотамия, Китай, Индостан, которые как бы питаются речными разливами, необходима большая точность в определении времени, когда начнется разлив, когда он достигнет наивысшей точки, и когда случайные колебания сменятся окончательной убылью. Все сооружения: каналы, озера и дамбы, должны заблаговременно приводиться в такое состояние, которое требуется как отдельными моментами разлива, так и особым его характером в различные годы. Более того: благодаря чрезвычайной стремительности наводнений, наступающих каждый год при таянии горных снегов на

¹⁾ В иных случаях, когда более развитая феодальная культура, со сложившейся жреческой организацией, подчиняет себе, завоеванием или мирным путем, более отсталые племена, между остатками старого знахарства и новым жречеством разыгрывается борьба. Хотя жрец строит свою деятельность на таких же принципах, как и знахарь: каблистические заклинания, изгнание нечистой силы силою фетишей, эмпирические наблюдения за действием некоторых трав, корней, припарок и вообще разные традиционно-практические знания, тем не менее старый шаман превращается в гонимого колдуна, ворожею, „кудесника“ совершенно так же, как его сила становится нечистой силой, его боги — дьяволами, его вера — суеверием. В Месопотамии такая борьба новых жрецов за монополию своей профессии против старых „волшебников“ начинается уже в так называемый сумерийско-аккадский период, т.е. тысячи за три лет до Р. Х. Так называемая „народная медицина“ до сих пор является хранительницей лечебного искусства патриархальной эпохи.

²⁾ Насколько сложна эта задача, убедится всякий, кто самостоятельно постарается вычислить день Пасхи в один из ближайших годов. Но он, разумеется, будет оперировать при этом с действительной (или принятой) величиной года и месяца, как с данными величинами. Между тем греческим жрецам все это приходилось устанавливать из собственных наблюдений продолжавшихся в ряду многих поколений.

верховьях или в начале периода тропических дождей, многие поселения уничтожались бы со всеми жителями, скотом и запасами, если бы разливы захватывали их врасплох. Жрецы Востока с древнейших времен превращаются в звездочетов, т. е. в астрономов, которые на основании своих наблюдений предсказывают смену время года и связанные с этим важнейшие изменения в уровне рек.

Астрономические знания греческих, и в особенности восточных жрецов (халдеев и волхвов Библии) знаменовали колоссальный шаг вперед по сравнению с предыдущей эпохой: узкий, ограниченный эмпиризм патриархального организатора они заменяли руководством, построенным на более объективных и систематизированных данных ¹⁾.

Уже в патриархально-родовую эпоху основные моменты производства связывались с воспоминанием о предках-организаторах. По мере того, как патриархальные группы объединяются, совершается процесс обобщения их отдельных предков-организаторов: выдвигаются союзные божества-покровители, боги, взаимные отношения между которыми являются отражением отношений между феодально объединяющимися родами. Чествование памяти прежних организаторов, которые преимущественно организовали трудовую борьбу с природой, по-прежнему сопровождает начало посева, жатвы, выгон скота и т. д.; но теперь оно развивается в празднества, посвященные союзным фетишам. И та деятельность жрецов, в результате которой достигается точное определение времени разливов, посева, жатвы, принимает форму определения моментов, когда должны устраиваться эти празднества. Таким образом «наука» феодальной эпохи приобретает форму не познавательного отношения человека к природе, а особого, таинственного, религиозного отношения жрецов к божествам ²⁾.

По мере того, как количество и сложность приобретенных знаний все увеличивается, в дополнение к устному спо-

¹⁾ В свое время познания жрецов Месопотамии и Египта производили огромное впечатление на соседей: „и была мудрость Соломона выше всех сынов востока и всей мудрости египтян“. Третья книга царств IV, 30.

²⁾ Связь между господствующим производством и празднествами наблюдается и в средневековой Европе, — повсюду, где в деревне сохраняется феодальное производство. Но церковный календарь средневековой Европы получила в значительной его части готовым: многие праздники как бы вносились извне, а не развились в неразрывной связи с производственными отношениями, как старые языческие празднества. Поэтому упомянутая связь выразилась в том, что некоторые праздники, напр. Егорьев, Николин и Петров день, Казанская, Покров и т. д., совпадающие с важнейшими моментами земледельческого года, приобрели необычайное значение, совершенно необъяснимое с собственно церковной точки зрения, а соответствующие святые сделали покровителями полей, скота и проч., что лишь в немногих случаях находит оправдание в обстоятельствах их жизни. Объясняя значение таких празднеств, обычно ограничиваются указаниями: 1) что они заняли место важнейших языческих празднеств, и 2) что последние стояли в самой тесной связи с видимым движением солнца, культом светил и проч. Последние указания совсем

собу есхранения и передачи их присоединяется письменный. У греков, германцев, литовцев, славян и т. д. он появляется как раз в эпоху, которая стоит на границе патриархально-родового строя и феодального объединения родов. Характер древнейших записей ясно показывает, что это искусство возникло сначала среди тех слабо дифференцированных групп, которые были предшественниками позднейших жрецов. Позже, когда процесс выделения жрецов завершился, искусство делать записи на многие века превратилось в их монополию¹⁾.

Расширяясь и делаясь более тесными и сплоченными, феодальные союзы выдвигают необходимость такого административного механизма, который уже не может обходиться без записей, и это является еще одной из причин, почему жрецы древнего Востока, начиная с феодального периода, играют выдающуюся роль в государственном управлении.

Сосредоточивая в своем ведении верховные производственно-организаторские функции, постепенно обособляющиеся от технически-организаторских функций, обладая известными математическими и, в частности, геометрическими познаниями и соответственными логическими навыками, обладая, наконец, искусством делать записи, жрецы совершенно естественно являются организаторами и еще в одной сфере. Во-первых, жрецы дают обобщенную формулировку господствующих производственных отношений, т. е. выступают в роли законодателей. Во-вторых, они истолковывают эти общие нормы в применении к частным случаям, т. е. становятся судьями. Открытый в конце прошлого века кодекс ассирийского (сумерийского) царя Гаммураби (тысячи за 2½ лет до Р. Х.), представляющий один из древнейших законодательных сводов, может служить примером этого эмбрионального состояния права, когда оно еще не обособилось от религии, и законодатель не обособился от жреца. К такого же рода памятникам относится Пятикнижие Моисеево, во многом отражающее ассирийские влияния и, в частности, законодательство Гаммураби. В Египте уже тысячи за четыре лет до Р. Х. записи, которыми закреплялся переход собственности из одних рук в другие, составлялись при храмах. Значение

недостаточны: движения солнца и луны даже в феодальный период интересовали человека не сами по себе, а по их связи с производственной деятельностью. — потому-то культ светил и мог слиться с культом предков-организаторов. Не абстрактная, будто бы врожденная человеку "потребность познать и объяснить окружающий мир" создала древние религии и зачатки астрономии (как и других наук), а потребности развивающегося производства. По мере того, как старинное, рутинное земледельческое производство деревни оттесняется на задний план, религиозное сознание все более утрачивает средневековую живость и глубину, и старые праздники теряют свое религиозное значение, превращаются просто в дни отдыха.

¹⁾ Характерно, что многочисленные вновь открытые записи, которые за последние десятилетия дали возможность уяснить экономический строй древнейшего Египта и особенно Ассирии найдены в развалинах храмов.

этого рода функций возрастает в той мере, как старые кровные связи в качестве первичной основы общественных отношений оттесняются на задний план чисто экономическими связями.

В варварских государствах средневековой Европы, возникших на месте Римской империи, духовенство выполняло такую же роль, как на древнем Востоке. Уменьше читать и писать и все зачатки науки, сохранившиеся от древнего мира, в течение многих столетий оставались почти в монопольном обладании духовенства. Из его же рядов выходили администраторы, законодатели и юристы.

Так же обширны функции духовенства и в древней России. Напр., «Русская Правда», древнейший из русских законодательных сводов, носит явные следы того решающего значения, какое имело духовенство в законодательстве и суде. Это духовенство непосредственно было связано не с Римом, а с Византией, и из Византии приносило готовыми те элементы и формы организации, потребность в которых порождалась внутренним развитием славянских племен.

Лишь развитие новых, буржуазных отношений в городах положило конец монопольному положению духовенства и выдвинуло свою науку, своих администраторов и своих юристов, воззрения которых все более освобождаются от церковных авторитетов.

Итак, то самое развитие, которое расширяло функции сеньера и превращало его в объединителя, сопровождалось расширением и функций жреца, преемника старого знахаря. На ряду с сюзереном, который выдвинут объединением военной деятельности соседних общин, выступил жрец, выразитель начавшегося объединения мирной производственной деятельности этих общин. Развиваясь вширь и вглубь, феодальное объединение сопровождалось расширением совместной борьбы за существование, и организация этой совместности в одних сферах, преимущественно соприкасающихся с войной, по-прежнему сохранялась за советским сеньером, а в других сферах, более связанных с господствующим производством, по-прежнему составляла содержание профессиональной деятельности жрецов.

Таким образом, объединение обособленных родовых групп выступает, как двусторонний процесс: как объединение политическое и объединение религиозное, как процесс возникновения сословия светских сеньеров и жреческого сословия, как расширение и военных и жреческих функций за пределы родовых общин. Например, первоначальное объединение древней Греции принимало форму «амфикистий», т.-е. «союзов окрестных жителей», которые в определенное время собирались на общие празднества. Начало позднейшим жреческим корпорациям дали жрецы при тех храмах, которые сделались центрами этих амфикистий: Додона в гомеровскую эпоху, храм Аполлона в V в. до Р. Х., позже Олимпия и храм Де-

метры при Фермопильском ущелье. Точно так же у германцев, литовцев и славян, объединяющихся в первичные межродовые союзы, в так называемые «племена», обнаруживаются признаки выделения жреческой корпорации. Организаторская деятельность жрецов выражалась между прочим в организации общих празднеств при священных рощах, деревьях, источниках. Здесь же это зачаточное жреческое сословие законодательствовало и разбирало судебные дела.

Такое же значение центров жреческой деятельности, как священные рощи, деревья и проч. для оседлых групп, для кочевников приобретает передвижной союзный шатер, обиталище общих фетишей объединяющихся групп («скиния» у евреев кочевого периода и т. п.). Начавшееся задолго до Магомета объединение арабских кочевых групп нашло себе выражение в жреческой корпорации при меккской Каабе. Магомет в своей организаторской деятельности был преемником этих жрецов.

Эмбриональные жрецы именно той общины, в которой экономически тяготеют соседние области, и которая со временем выступает в роли феодальной «собирательницы земли», дают начало позднему жреческому сословию. Как раз потому, что данная область сделалась экономическим центром, она развивается в политический и религиозный центр: ее сеньер — в сюзерена, местные боги — в божества и святыни союза, преемники местных жрецов, лишь едва выделявшихся из общего состава общины, в духовенство, которое уже не связано ни с какой определенной кровной общиной и противопоставлено всем остальным членам союза, как обособленное сословие.

Историки обыкновенно перевертывают отношения и утверждают, будто именно влияние духовенства было той первоначальной и основной силой, которая склоняла борьбу между сеньерами-собирающими на ту или на другую сторону. Но действительная связь между явлениями ясно выступает и в позднейшей истории феодальных обществ, напр., в киево-новгородской, владимирско-суздальской и московской Руси. Киев, торговый центр юга, быстро превращается в средоточие религиозной жизни, митрополит киевский — в главу духовенства. На севере такую же роль играет Новгород. Перипетии его борьбы за экономическое преобладание сначала с Киевом, потом с Владимиром и, наконец, с Москвой отражаются в относительном значении местных святынь. Экономическое тяготение северо-восточной Руси к Владимиру наносит удар прежнему значению киевского духовенства. Решительное торжество Москвы в XIV веке сопровождается перемещением религиозного центра северо-восточной Руси в Москву и в новый монастырь, Троицкий.

Согласно распространенным воззрениям, существование областных святынь и влиятельного духовенства было необходимым предварительным условием для возникновения пер-

воначальных «рынков», т.-е. мест, на которых прекращалась вражда и совершался более или менее мирный обмен между соседними группами. В действительности *первичная* связь явлений вовсе не такова. Влияние зачаточного местного духовенства расширяется и превращает его в областное, впоследствии в меж-областное духовенство лишь в той мере, как прогрессирующие экономические отношения сближают соседние общины, проводят их через последовательные формы обмена, намечают пункты, где происходят регулярные встречи между ними. Организация расширяющихся общественных связей становится делом духовенства в той мере, как возникают эти связи, но они создаются не духовенством. «Рыночный мир» предшествовал «божьему миру»: «рынок» возник раньше, чем те идеологические формы, которые ставят его под особое покровительство божества. Сначала в процессе обмена складывались известные обычаи, делающие возможным обмен, и уже потом духовенство дает этим обычаям обобщенное выражение и охраняет их. Мекка, напр., сначала выдвинулась, как центр обмена, — и уже потом мир, устанавливавшийся на время ярмарок, получил религиозную санкцию. Только на позднейшей ступени развития, когда упрочилась та идеологическая форма, в которой охраняется рыночный мир, новые рынки при самом своем возникновении ставятся под высокое покровительство божества: духовенство, расширяющее свои функции с прогрессом феодального объединения, развивается во влиятельную общественную силу и тогда уже действительно может создавать новые рынки.

По мере того, как с расширением функций воина он обособляется от родовой общины и превращается в сеньера, от общей массы продукта, производимого феодальными группами известная часть обособляется, как прибавочный продукт, и поступает в исключительное распоряжение феодала. Точно так же расширение функций жрецов, сопровождающееся выделением их из состава родовой группы и превращением в жрецов феодального союза, необходимо приводит к тому, что они тоже получают самостоятельный базис существования: часть прибавочного продукта приобретает форму жертвы, форму средств, предназначенных на поддержание культа, и поступает в распоряжение жрецов.

С расширением и упрочением первоначальных слабых связей между общинами, устанавливается минимальная величина тех жертв, которые должна доставить каждая община или каждая семья: столько-то штук скота, отличающегося такими-то приметами или родившегося в такое-то время, такая-то доля зерна и плодов, такие-то части животных и растений, столько-то рабочих дней для возделывания земли, которую получает жреческая корпорация. Развивается та регламентированная до мелочей система священных оброков и бариции, которую мы наблюдаем в Египте и Перу, в Месопотамии и Палестине, у арабов и в средневековой Европе, — в том числе

и у нас, начиная с XI века. И даже в Греции, начиная с VII века до Р. Х., храмам обыкновенно посвящается десятая доля добычи от торговых и военных походов. Таким образом сохраняется воспоминание об особой роли, выпавшей на долю духовенства в том меж-родовом объединении, которое было подготовлено развитием обмена и сделало возможными военно-торговые походы в сравнительно крупном масштабе.

Поскольку приношения связаны с земледелием и скотоводством, — а связь эта в феодальный период остается очень тесной, — они, как и доход светского сеньера, представляют зародышевую форму *абсолютной ренты*: вознаграждение, которое дается жрецам за их общественно-необходимые функции, за то, что только они делают возможными земледелие и скотоводство. Колебания в размерах приношений стоят в самой непосредственной связи с функциями жрецов. Напр., при хорошем урожае десятина возрастает в своей массе; при неурожае или падеже скота увеличиваются умиловительные приношения. Чрезвычайные обстоятельства вообще делают особенно ощутительной связь между профессиональными функциями жрецов и результатами сельскохозяйственного цикла. Поэтому землетрясение, буря, война, появление большого количества хищных зверей обычно ведет к увеличению приношений. Словом, в отношениях к жрецам воспроизводятся отношения вассальных земледельцев к своему сюзерену с той только разницей, что первые отношения неразрывно сростаются с своей идеологической формой, отношениями к божествам.

Таким образом в развитии духовного сословия можно наблюдать два ряда явлений, неразрывно связанные друг с другом. С одной стороны, от мирно-организаторских функций старейшины постепенно обособляется та часть их, которая представляет наиболее обобщенное выражение расширяющегося трудового опыта, и становится специальным занятием новой группы, жрецов. С другой стороны, от общей массы труда и продукта, которыми располагает каждая деревенская община, известная часть обособляется, как духовные барщина и оброк, как прибавочные труд и продукт, поступающие в распоряжение жрецов. Следовательно, при храмах одновременно развиваются и жреческое сословие и самостоятельное хозяйство.

Храмы (и монастыри) повсюду становятся центрами местной экономической жизни, духовными усадьбами, в которых жрецам принадлежит та же руководящая роль, как светским сеньерам в светских виллах, менорах и т. д. Каждый храм превращается в один из тех многочисленных ойкосов, из которых состоит все феодальное общество. В этом ойкосу жрец совершенно так же, как и светский феодал, организует производственную деятельность: строит сооружения, непосильные для отдельных крестьянских хозяйств, снабжает инвентарем вновь возникающие хозяйства, помогает при неурожаях и

других бедствиях. Духовенство же, подобно светским сеньерам, организует военную защиту окрестного населения. Храмы древности и средневековые монастыри обыкновенно располагали собственными дружинами. Монастыри были настоящими укреплениями: у нас кремлями, на Западе — замками. Обстоятельства осады Ченстоховского, Троицкого и Соловецкого монастырей показывают, что эти крепости, сильные в средние века, сохранили боевое значение и до позднейшего времени.

Все эти мирно и военно-организаторские функции шаг за шагом превращают жрецов в сеньеров окрестного земледельческого населения, а храмы — в те центры, к которым стекается прибавочный продукт более или менее обширной округи. Поскольку в этих функциях нет ничего специфически-жреческого, постольку и дальнейшая история духовного сословия не отличается от истории светских сеньеров. Та деятельность, которую жрецы развивают в своих усадьбах, по существу носит такой-же частно-хозяйственный характер, как деятельность светских сеньеров в их вотчинах, дворах, виллах, манорах: и жрецы, и сеньеры здесь просто организуют потребление результатов своей общественно-организаторской деятельности и закрепляют за собой те приобретения, которые они делают, осуществляя общие условия, необходимые для феодального производства. Следовательно, относительная сила духовного и феодального сословий коренится не в тех сеньериальных функциях, которые они выполняют в своих частных хозяйствах: этими функциями объясняется только господство сеньера над окрестным земледельческим (или кочевым) населением, только его главенствующее положение в отдельной, обособленной производственной группе. Сословная же сила жрецов и сеньеров в широких феодальных союзах вытекает из их общественных функций, выходящих за пределы производственных ячеек феодальной эпохи.

Благодаря различию тех условий, при которых шло развитие различных феодальных обществ, особое значение приобретали в одних случаях функции светских сеньеров, в других — те функции, которые исторически выпадали на долю жрецов; в одних случаях господствующей общественной силой становились светские феодалы; в других — феодальные объединения развивались в «теократии», — политические организации, в которых жрецам принадлежал решительный перевес над светскими феодалами, над воинами, или в которых военный глава, меж-областной объединитель, был в то же время и верховным жрецом. Общие причины таких различий можно выяснить на нескольких конкретных примерах.

Ареной древней греческой истории была сравнительно ограниченная территория, которая притом изрезана горами на мелкие области. Первоначальное объединение началось с создания мелких областных союзов. При незначительности расстояний сеньеру не было необходимости постоянно жить в

усадьбе; он мог вне ее потреблять прибавочный продукт. Так как враг—соседняя область—был слишком близко, то усадьба не могла дать надежной защиты от неожиданных нападений. Все это приводило к тому, что уже для древнейшей греческой истории становится характерным «синойкизм», создание сенъерами «общих селений», полисов, т.-е. укреплений, из которых они сообща держали в подчинении зависимое крестьянство и предпринимали походы на соседние области. Развитие примитивной торговли в свою очередь привлекало сенъеров из их усадеб к полисам, возникающим около морских гаваней.

Упорная и затяжная борьба сопровождала расширение первоначальных объединений, и все разрасталась в своем масштабе, пока, уже за пределами собственно феодальной эпохи, она не приняла характера обще-греческой, Пелопонесской войны. Непрерывной войной с финикийцами, этрусками, лидийцами, персами и т. д., была вся морская греческая торговля. Военно-организаторские функции сенъеров, объединившихся в полисах, приобретали решающее значение для существования и отдельных республик, и всей Греции.

Земледелие и скотоводство, те отрасли производства, в которых общественно-организаторские функции жрецов играют особенно крупную роль, оттеснялись на задний план торговыми операциями. Да и условия природы с самого начала не требовали так повелительно, как на Востоке, развития этих функций значительно выше элементарных ступеней. В результате всего этого рост общественной силы жреческого сословия остановился сравнительно рано, и очень рано дельфийский оракул начал вещать то, чего требовали в каждый данный момент интересы господствующей группы светских сенъеров.

Иначе складывались общественные отношения в Египте. Узкая долина Нила не представляла каких-либо естественных препятствий объединению. Отсутствие соседей, от которых требовалась бы непрерывная, напряженная оборона, в свою очередь уменьшало значение военно-организаторских функций. Напротив, тесная связь земледелия с периодическими разливами придавала особое значение деятельности жрецов: объединение и отдельных областей, и всего Египта осуществлялось, а в особенности закреплялось не столько военными походами сюзеренов, сколько теми гидравлическими работами, которые выполнялись под верховным руководством жрецов. Последние выступали благодаря этому как «творцы» и «созидатели» общества. Одной из важнейших задач феодальных сюзеренов была организация не походов, как в других странах, а всевозможных оросительных работ. В связи с этим в египетском царе свойства главы жреческого сословия в некоторые эпохи берут перевес над его свойствами, как военного организатора. И лишь в той мере как возрастает необходимость внешней защиты, влияние светских феодалов повышается за счет жреческого сословия. Это же явление с еще большей ясностью выступает в истории Месопотамии и Ирана.

Господствующий у кочевников способ производства препятствует разделению мирно и военно-организаторских функций. Глава кочевой группы обыкновенно сосредоточивает в своем ведении и те функции, которые у оседлых групп выделяются, как специальное занятие жрецов. Вождь должен ориентироваться в новой местности по звездам, — безразлично, ищет ли его группа новых пастбищ для скота, отправляется ли в поход для обмена, или совершает набег на враждебную группу. Точно так же исход и военных, и мирных предприятий в одинаковой степени зависит от того, в состоянии ли организатор хотя за несколько часов предусмотреть наступление истребительного урагана пустыни. Раньше мы видели, что весь быт кочевников стирает разграничительную черту между миром и войной. Теперь мы видим, что он же уничтожает границу между воинем и жрецом.

Правда, объединение кочевых групп, сопровождающееся развитием общих, союзных святынь, приводит к тому, что начинается выделение жреческого сословия, сосредоточивающего всю деятельность около этих святынь. Но объединение сопровождается усилением борьбы с соседями, да и само оно обусловливается обыкновенно усилением этой борьбы. Для кочевников, пока они остаются кочевниками, борьба никогда не кончается, и прерывается лишь на самое короткое время. Поэтому первенствующая роль принадлежит военному организатору, который, передавая священнослужителю часть своих функций, оставляет за собой верховное заведывание ими. На Синай восходит не Аарон, а Моисей, и Моисей же подсказывает Аарону, что он должен говорить народу. И даже за пределами кочевой эпохи — Давид и Соломон в важнейшие моменты религиозной жизни оттесняют первосвященника на второй план: первосвященнику принадлежат лишь исполнительские функции.

В истории мусульманства идеологической формой, в которой совершалось военное объединение патриархальных родов и слабых меж-родовых союзов Аравии, послужило распространение ислама. Развитие обмена экономически уже до известной степени связало Аравию, Месопотамию, Иран, Малую Азию, Северную Африку, отчасти европейское побережье Средиземного моря. Обмен, слабо отграничивавшийся от грабежа, преложил пути для завоевания, а завоевание создавало необходимые условия для более упорядоченной торговли. Экономические потребности, которые удовлетворялись «распространением ислама», характерно выразились между прочим в его довольно широкой религиозной терпимости в одних случаях и в полной нетерпимости — в других. В VII веке он еще примирялся с иудаизмом и христианством, которые соответствуют достаточно развитым и широким общественным связям, и потому, не представляя отрицания объединительных стремлений арабов, были для них «инвертируем». Но зато язычеству ислам объявил беспощадную, истребитель-

ную войну: язычество с его многочисленными местными жрецами и культами было символом локальной ограниченности, патриархально-родовой раздробленности, словом, того старого для арабов, изжитого способа производства, которому они наносили окончательный удар своим объединением под знаменем единой религии; поэтому оно было ненавистным для них «суеверием».

Такая военно-жреческая организация, какой был ислам, могла объединять арабов в эпоху отчаянной внешней борьбы, в период завоеваний, пока они оставались кочевниками, подвижность которых уже сама по себе препятствует развитию локальной ограниченности. На примере арабов в особенности ярко сказалось, что война раньше достигает выработанности, чем мирное производство. Как только они осели на местах, и земледелие сделалось основным источником их существования, логика феодального производства вступила в свои права. Государство арабов распалось на ряд областей, наместники которых добиваются значительной самостоятельности, пока, наконец, не делаются суверенами. То объединение и даже полное слияние духовной и светской власти, которым характеризовался первоначальный ислам, сменилось разделением усложняющихся военно-организаторских, производственно-организаторских, административных, законодательных и судебных функций. В зависимости от местных условий, это разделение в различных областях шло по различным линиям, и в одних дало перевес военному организатору, в других — главе духовенства, в третьих, где военно-и мирно-организаторские функции имели одинаково существенное значение, приводило к хронической борьбе, затягивающейся на целые столетия. Началась ожесточенная борьба между обособляющимися областями, тяготеющими к Кордове, Медине, Багдаду, Дамаску и т. д. И религиозные воззрения, которые в свое время объединили арабов, теперь санкционировали их распадение на отдельные лагеря, питающие смертельную вражду друг к другу. Всякий вопрос: об отношении духовенства к выделяющимся светским властям, о выборности или наследственности калифа, духовного и светского главы мусульманского общества, служил теперь знаменем для возрастающего областного обособления.

Для средневековой Европы христианство сыграло, в общем, такую же роль, как ислам — для арабов и впоследствии для турок. Первоначальное объединение германцев совершалось уже в дохристианский период, — уже тогда складывались «племена», слабые областные союзы, численностью от 25 до 40, изредка до 60 тысяч. Пионерами более тесного и широкого объединения выступили представители римского духовенства. Распространение христианства послужило формой, в которой совершалось превращение первичных союзов и временных военных объединений в сравнительно обширные и более устойчивые феодальные «королевства». И дальнейшее

расширение их было неразрывно связано с распространением христианства. Миссионер прокладывал первый путь к фризам, англам, саксам, ирландцам. Следом за ним двигалось войско и принудительной силой закрепляло дело миссионера. «Крещением саксов» устанавливалась прочная вассальная зависимость их от франков, «крещением Руси» — такая же зависимость ее от Византии.

Было еще одно обстоятельство, которое придавало особенное значение миссионерской деятельности римского (и византийского) духовенства. Как ни велик был экономический упадок Римской империи, обусловивший ее военное и политическое крушение, римская техника — и земледельческая, и ремесленная — все же была несравненно выше варварской техники германцев. Хранителями же римской техники были главным образом монастыри, преемственно связанные с Римской империей. Те миссии и монастыри, которые учреждались в языческих странах, были между прочим и трудовыми общежитиями, а не такими просто потребительскими организациями, как они сделались при разложении феодального строя. В своих областях они организовали производство на новых началах: расчищали леса, вводили в оборот новые растения, знакомили с более усовершенствованными орудиями и приемами обработки земли и продуктов.

Переход к высшим формам производства сделался настоятельной необходимостью для германских племен. Об этом свидетельствуют и постоянные передвижения, и ожесточенная борьба, и даже начавшееся объединение. Этот переход осуществлялся при помощи римской церкви. Таким образом завоевание язычников для христианства было одновременно и внутренним, экономическим подчинением их духовенству, носителю новых производственных форм.

Связь с римской церковью, единственной хранительницей как производственной техники, так и организационных форм Римской империи, сделалась источником силы для германских королевств начала средних веков. Франки, напр., как верные вассалы папы, опираясь на его поддержку, восторжествовали над теми германскими племенами, которые приняли христианство в виде «ереси Ария»; римскому же духовенству короли франков обязаны тем, что они получили в свое распоряжение всю организованную силу Западной Европы для борьбы с саксами, маврами и славянами.

По мере того, как первоначальные феодальные объединения разрастались и усложнялись, мощь церкви, как единственной организации, стоящей на уровне расширяющихся социальных потребностей, все увеличивалась. Благодаря этому вассалы духовных феодалов пользовались более действительной защитой, чем вассалы светских сеньеров и даже крупных будущих суверенов. Этим объясняется тот факт, что эпохи обостренной борьбы в феодальных обществах средневекового Запада (как и средневековой России) характе-

ризуются необыкновенно быстрым ростом церковных и монастырских владений и числа мелких и крупных вассалов у духовных сеньеров: у епископов и монастырей. Светские сеньеры, в поисках защиты от сильных противников, отдавались со своими землями под покровительство духовных сеньеров, становились их вассалами. Этот процесс зашел настолько далеко, что все королі, бароны и герцоги фактически сделались вассалами папы, если только не становились таковыми еще при крещении.

Светские сеньеры средневековой Европы, разбросанные по своим сеньериям, могли в борьбе и друг с другом, и с церковью располагать преимущественно местными силами; сюзерен во всех внешних столкновениях тоже должен был рассчитывать более на свою собственную дружину, чем на вассалов, подчинение которых оставалось слабым, иногда, как в Германии, чисто номинальным. Напротив, церковь, как влиятельная централизованная организация, которая во всех существенных действиях направлялась единой волей из Рима, могла противопоставить всякому, кто не подчинялся ее власти, военные силы всего христианского Запада. По всем этим причинам, пока феодальная система оставалась живучей, всякое возмущение против папы неизбежно кончалось Кансесой.

Среди передовых славянских племен по Днепру и Волхову христианство распространялось из Византии в эпоху, когда они стояли на более высоком уровне общественно-экономического развития, чем германские племена V—VIII века. Но еще важнее то обстоятельство, что половцы и, в особенности, татары очень рано отрезали русское духовенство от Византии, которая, будучи центром высшей культуры, играла для него такую же роль, как Рим для католического духовенства. Поэтому, хотя значение духовенства в феодальный период русской истории огромно, оно не развилось в такую колоссальную силу, как католическое духовенство. Однако и здесь духовенство занимало очень влиятельное положение. В особенности выросло оно в период «собирания Руси», когда московская церковь по временам брала на себя роль приказчика татарских ханов, собирателя даней для них и, пользуясь за свои услуги их поддержкой, превратилась в сильную политическую, землевладельческую и торгово-финансовую организацию. Знаменательно, что и Иван III, и даже Иван Грозный, — которые, заканчивая собирание Руси, не останавливались в экспроприации светских князей перед самыми решительными шагами, — молча подчинялись каждый раз, когда духовенство отказывалось добровольно расстаться с частью своих огромных владений. Между тем оба они были уже не феодальные сюзерены, а скорее монархи в позднейшем значении слова.

Как указано выше, для феодальной эпохи основной формой прибавочного продукта, обособляющегося от общей массы

годового продукта, является рента. Рост социальной силы того или иного сословия выражается в увеличении массы этой ренты. Точно так же каждое из феодальных сословий и отдельные их представители укрепляют и расширяют свою социальную силу, увеличивая свою долю в феодальном землевладении, т. е. расширяя ту площадь, с которой они получают барщину и оброк.

Так было и с духовенством. И на древнем Востоке, и в классическом мире, и в средневековой Европе история духовенства была в то же время историей роста церковного (и монастырского) землевладения. В классическом мире по причинам, отмеченным выше, этот процесс остановился довольно рано. Но в остальных странах он не прекращался на протяжении всей феодальной эпохи, в некоторых из них продолжался даже в позднейший период.

Точных цифр относительно размеров церковного землевладения в древнем мире не имеется. О размерах церковных имуществ в средневековой Европе приходится судить преимущественно на основании субъективных впечатлений современников, на основании оценок «на глаз», и по сопоставлению различных косвенных данных. Притом и эти данные, и эти впечатления обыкновенно относятся к сравнительно поздним эпохам: для Франции к XVII—XVIII векам, для Англии и Германии к эпохе реформации, для России — к половине и концу XVI века. Однако их достаточно для того, чтобы составить некоторое представление об относительной силе духовенства в эпоху его расцвета, в феодальный период.

Все материалы, относящиеся к упомянутым странам, с замечательным согласием указывают, что церковные и монастырские земли составляли до $\frac{1}{3}$ всей площади земельных владений, иногда даже до $\frac{1}{2}$ всех культивируемых земель. Но доходы, которые духовенство получало с них, значительно больше, чем соответствовало бы этой доле; монастыри сумели захватить — посредством покупки или безвозмездно, в качестве дара, — наилучшие и наиболее доходные земли. Несколько успешно действовали в этом направлении отдельные русские монастыри, можно судить по таким примерам. Кирилло-Белозерский монастырь в конце XVI века владел 20.000 десятин *пашни*, не считая пустырей и лесов. Троицко-Сергиевский монастырь, крупнейший землевладелец, получал ежегодно доходов до 100.000 руб. (в переводе на *пашни* деньги до 4 миллионов).

Использование доходов в свою очередь служило укреплению и расширению социальной мощи духовного сословия. Здесь сказалось существенное различие в степени экономического развития между древним Востоком и *ранним* европейским средневековьем. Для Египта и Месопотамии, занимавших узкие речные долины с чрезвычайно плотным населением, связанным естественными путями сообщения, обмен

с соседними странами уже очень рано приобрел огромное значение: храмы этих стран (как и храм в Иерусалиме) развивали широкую торговлю поступающими к ним продуктами; жреческие корпорации при храмах Мемфиса, Ниневии, Вавилона, Иерусалима уже в древнейший период обнаруживают тенденцию к превращению в те мощные торговые и финансовые компании, которые впоследствии торговлей и ссудами подчиняют себе не только окрестных земледельцев, но и крупных сеньеров и даже царей.

Аналогичное положение, по сходным причинам, было в приднепровской Руси, лежавшей в центре норманнско-византийской торговли. Киево-Печерская лавра в ближайшее же время по своему возникновении превратилась в несравненно торгово-ростовщическое учреждение. И не только монастырь в целом, но и отдельные монахи развевывали крупные торговые и ростовщические операции. Конечно, обслуживание религиозных потребностей паствы велось тоже на чисто торговых началах. В житиях святых в качестве главной, а иногда и единственной заслуги некоторых праведников отмечается, что они кое-что делали безвозмездно. Это уже само по себе представлялось великим подвигом для современников. Но Киево-Печерская лавра, благодаря ее особому положению, просто опередила другие монастыри в своем развитии.

В средневековой Европе (как и в северо-восточной Руси) с ее редким населением, разбросанным на огромных пространствах, общему, вообще говоря, приходилось создавать искусственные пути сообщения. Натуральному хозяйству на протяжении многих столетий принадлежал решительный перевес. Централизация церковных доходов Римом, или хотя бы областными епископами, становилась возможной лишь по мере перехода обмена к денежной форме. Громадная часть доходов состояла из продуктов земледельческого производства как крестьянского, так и собственного монастырского или церковного. Они должны были или гнить, или потребляться на месте. Иного выхода не было. Сами члены духовного сословия не в силах были потребить тех масс хлеба, холста, пряжи, вина и т. д., которые стекались к монастырям. Они развивают широкую благотворительность: поддерживают население во время голодовок, до чрезвычайности частых при средневековом бездорожье, при котором всякий неуражай даже в ограниченной области неизбежно сопровождается голодом¹⁾; устраивают богадельни для неспособных к труду,

¹⁾ Вот некоторые цифры, характеризующие размеры монастырской благотворительности. В Кирилло-Белозерском монастыре во время одного голода ежедневно кормились более 600 человек; в трапезе Волоцкого монастыря в нормальные годы ежедневно кормилось по 600—700 человек; в один голодный год к этому же монастырю из окрестных сел пришло за хлебом до 7.000 человек; многие побросали перед стенами своих голодных детей, и монастырь дал им приют. При оценке этих цифр следует принять во внимание средневековую разреженность населения.

больницы и приюты для инвалидов, калек (припомним средневековые войны) и больных; во времена эпидемий, столь обычных для средних веков с их деревенским презрением к гигиене, но местами уже с городской скученностью, с их религиозной беззаботной покорностью «судьбе», церковь оставалась единственной организацией, которая хотя что-нибудь делала для заболевших, лечила их, заведывала по меньшей мере уборкой и погребением трупов, брала на свое попечение сотни сирот.

Благотворительные функции, вынуждаемые самым положением общественно-руководящей организации в натурально-хозяйственном мире, обусловили ускоряющийся рост церковных имуществ и, следовательно, дальнейшее усиление ее мощи. Земли и крестьяне передаются и завещаются церкви и монастырям не только как учреждению, от которого зависит загробная жизнь, но и как единственному благотворительному учреждению феодальной эпохи, и как учреждению, в которое стареющие сеньеры, их вдовы и дети, бегущие от «мира», отправляются на покой.

Обособлением хозяйства храмов от хозяйства феодальной общины заканчивается сословное обособление духовенства от мирян, как обособлением самостоятельного хозяйства сеньеров завершается выделение светского феодального сословия. Заведывание культом постепенно превращается в такую же основную сословную привилегию духовного феодала, как военно-организаторские функции — в исключительную привилегию светского феодала.

По мере того, как производственные отношения феодальной эпохи оттесняются новыми отношениями, военно-организаторские функции, послужившие в свое время основой, на которой развилась социальная сила светских сеньеров, превращаются в их руках просто в средство удерживать свое господствующее положение. Точно так же религиозные функции духовного сословия с течением времени отрешаются от той связи с экономической жизнью, которая обуславливала могущество духовенства в феодальный период, оттесняются производственно-организаторскими функциями, построенными на совершенно иных началах, и становятся просто средством внешне, принудительно удерживать господство, утрачивающее внутреннюю опору.

Конечно, и в собственно феодальных обществах специальные знания духовенства представляли мистирию, профессиональную тайну. Но там это было фактически неизбежно. Имея в своей преобладающей массе характер эмпирических наблюдений и сопоставлений, эти знания лишь в небольшой своей части допускали сведение в стройную, логическую, легко усвояемую систему. Овладеть ими могли действительно только «избранные», т.-е. лица, далеко превышающие по своим способностям средний уровень и всю свою жизнь посвящающие углублению в эти «мистерии».

В позднейший период, когда феодальные отношения начинают переходить в чисто-эксплуататорские отношения, таинственность, окружающая функции духовенства, охраняется искусственными мерами: мирянам прямо воспрещается рассуждать о религиозных вопросах; священными книгами признаются только такие, которые написаны на чужом или на старом языке, живем в эпоху возникновения общей религии, но превратившемся с течением времени в мертвый, непонятный для масс. Духовное сословие настолько ревниво охраняет сферу своей деятельности от мирян, что в некоторых странах производит впечатление «касты».

Духовное сословие, обязанное своим возникновением тем самым отношениям, которые выдвинули и светских сеньеров, объединяется с ними в борьбе за социальные привилегии феодальной эпохи, против позднейших форм общественных отношений.

6. Развитие идеологии в феодальном обществе.

В количественном отношении прогресс идеологической жизни за феодальный период очень значителен. И возрастающая сложность производства, и расширение трудовой системы, благодаря связям как собственно феодальным, так и меновым, — все это с необходимостью ведет к постоянному обогащению идеологии новыми и новыми формами, как в сфере языка и познания, так и в области норм.

Именно в феодальную эпоху человеческая речь достигла той широты и гибкости, при которых она способна выразить почти всякое новое содержание человеческого опыта, сложились языки столь совершенного типа, как различные арийские (санскритский, греческий, латинский, готский, литовский, древне-славянский и пр.), семитические (еврейский, арабский и др.), монгольские и т. д. В ту же эпоху вырабатывались обширные, сложные мифологии разных народов и великие народные эпосы, как индийская Магабхарата, греческие поэмы Гомера, германская Эдда, финская Калевала, и т. под. Мы знаем, что мифология и эпос были складом и в то же время систематизацией накапливающегося народного опыта, способом его передачи из поколения в поколение, основным орудием воспитания и источником знаний для людей того времени. Наконец, в феодальном периоде усложнение обычаев привело к образованию систем обычного права, а затем к дифференцированию собственно права и морали, возникли политические учреждения и государственные системы если не в современном, то в достаточно приближающемся к нему значении слова, — «нормирование» человеческих отношений стало специальным делом новых и сложных организаций.

Что касается основного характера идеологии, самого ее типа, то он по существу измениться не мог, так как по су-